

РУССКАЯ ИСТОРИЯ И ФОРМА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
В РУКОПИСНОЙ КАНТАТЕ Н. А. ЛЬВОВА 1775 ГОДА

Елена Милюгина

Рукописная кантата Н. А. Львова 1775 г. незнакома большей части исследователей русской литературы XVIII в., за исключением ученых, непосредственно занимающихся творчеством поэта.

Кантата сохранилась в двух вариантах — в рабочей тетради Львова (Путевой тетради № 1)¹ и ‘державинском’ списке,² однако до сих пор не описана львоведцами и не прокомментирована в необходимой и достаточной для ее понимания степени. Видимо, считаясь неким рабочим наброском, пробой пера молодого драматурга, ученическим его сочинением, она не вызывала специального интереса и до недавнего времени даже не была опубликована.

Текст кантаты обнародован совсем недавно в составе публикации трех ‘Путевых тетрадей’ Львова, предпринятой А. Ю. Веселовой.³ Обширность и жанрово-тематическая пестрота обрабатываемых материалов ‘Путевых тетрадей’ поставили перед публикатором сложные и разноплановые задачи. Именно это, очевидно, не позволило уделить должного внимания каждому из представляемых текстов, в том числе и кантате 1775 г. Воспроизводя кантату по ранней версии ‘Путевой тетради’ № 1, публикатор не обратился ко второму, ‘державинскому’ ее списку, чтобы проверить ‘темные’ для понимания места (неразборчивую авторскую правку, слова, вписанные между строк), допустил ряд текстологических ошибок, нарушил графический вид заголовочного

---

¹ *Львов Н. А.* Путевая тетрадь № 1. РО ИРЛИ. № 16.470/CIV 620. Л. 83 об.-86 об. Далее ссылки на эту рукопись даны в тексте с указанием “ПТ 1” и номера листа.

² РНБ. Ф. 247 (Державина). Т. 39. Л. 56-57 об.

³ *Львов Н. А.* Путевая тетрадь № 1 / Подгот. текста и публ. А. Ю. Веселовой // *Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исследования: Сборник 4* / Ред. М. В. Строганов. Тверь, ТвГУ–Золотая буква, 2005. С. 59-61.

комплекса и др. Кроме того, текст кантаты в публикации приведен без реального исторического комментария.

Все это побуждает вновь обратиться к раннему сочинению Львова и его проблематике.

Согласно предположению, что это сценарий домашнего празднования, устроенного по поводу победы войск Екатерины II над турками,⁴ кантата представляет интерес не только для филологов, занимающихся песенными формами литературы и музыкальным театром, но и для специалистов по историческим жанрам словесности. Однако первые, полагая ее типичным образцом панегирической литературы того времени, не находят в ней интереса и ограничивают феномен музыкальной драматургии Львова лишь жанром комических опер,⁵ а вторые оставляют вовсе без внимания.⁶

Даже будучи несовершенной в художественном отношении (что прощательно двадцатидвухлетнему автору: это его первое драматическое произведение), кантата по-своему интересна — и как выражение желания Львова творчески откликнуться на современные ему события, становившиеся на его глазах значимым фактом отечественной истории, и как попытка молодого драматурга найти форму, адекватную для репрезентации этих событий в художественной ткани искусства.⁷ Уяснение меры и степени совпадения / несовпадения нарабатываемых Львовым форм с традиционной для того времени аллегорической поэтикой классицизма, устойчивой в панегирических жанрах, позволит сделать вывод о стартовых позициях поэта в эстетике драмы и особенностях его репрезентации истории в искусстве слова.

---

⁴ Лаппо-Данилевский К. Ю. К вопросу о творческом становлении Н. А. Львова (По материалам черновой тетради) // XVIII в. Сб. 16. Л., Наука, 1989. С. 258.

⁵ См. напр.: *Немировская И. Д.* Оперы Львова для домашнего театра (“Сильф”, “Милет и Милета”, “Парисов суд”) // *Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исследования: Сб. 4.* С. 211-220.

⁶ См. напр.: *Сорочан А. Ю.* Н. А. Львов — историк и текстолог: [вступ. статья] // *Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исследования: Сборник 3 / Ред. М. В. Строганов.* Тверь, ТвГУ–Золотая буква, 2003. С. 126-128.

⁷ О термине ‘репрезентация’ см.: *Новейший философский словарь.* Минск 2001. С. 826. О его использовании в литературоведческих исследованиях исторических жанров см.: *Сорочан А. Ю.* *Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: Автореф. дис. [...] д-ра филол. н.* Тверь, ТвГУ, 2008. С. 4-34.

Исторический подтекст кантаты можно выяснить только опираясь на авторскую датировку произведения в Путевой тетради № 1 — “1775 июня 5”. Какое же событие в России произошло в этот день и как кантата Львова с ним может быть связана?

До недавнего времени считалось, что кантата — это сценарий празднования, устроенного по поводу победы войск Екатерины II над турками. Как известно, победа России в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. вызвала большой патриотический подъем, и в отечественной литературе один за другим стали появляться панегирики в честь победоносной императрицы. Главным торжеством России был Кючук-Кайнарджийский мир. В его честь слагали оды не только такие именитые поэты, как царедворец М. М. Херасков, выступивший с “Одой Ея Императорскому Величеству, при заключении с Оттоманскою Портою торжественного мира. Июля дня 1774 года”, но и никому не известные юнцы, в том числе семнадцатилетний кадет В. В. Капнист, напечатавший на французском языке “Ode à l’occasion et la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardgi le 10 juillet. Anno 1774” (1775). Однако мир, заключенный 21 июля 1774 г., вскоре был нарушен Турцией. Заключенное соглашение не решило и не могло решить глубинного политического противостояния России и Турции, и войны между ними продолжались еще целое столетие (1787—1791, 1806—1812, 1828—1829, 1877—1878).⁸ А поскольку турки нарушили мирный договор уже весной 1775 г., то праздновать победу над ними 5 июня было не просто поздно, но совсем несвоевременно.

В русской истории на 5 июня 1775 г. падает лишь одно важное событие — ликвидация Запорожской Сечи. По приказу Екатерины II 5 июня 1775 г. генерал-поручик П. А. Текелли, по окончании войны с Турцией назначенный командующим войсками, расположенными в Новороссийском крае, занял Сечь, не встретив сопротивления со стороны ничего не ожидавших запорожцев.⁹

Такой решительный поворот во внутренней политике Екатерины II историки объясняют несколькими причинами, в числе которых — вооруженное сопротивление запорожцев захвату российским прави-

---

⁸ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. XV: История России с древнейших времен. Т. 29. М., Мысль, 1995. С. 156-185.

⁹ Яворницкий Д. И. История запорожских казаков: В 3 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 3. С. 328. (1-е изд.: СПб, 1892-1897).

тельством исконно им принадлежавших земель, а также участие казаков в оказании помощи гайдамацкому движению на Западной Украине. А главное, успешная война России с Турцией и заключение Кючук-Кайнарджийского договора привели к усилению позиций России в Причерноморье и к утрате Запорожской Сечи своего значения как войска в русско-турецких конфликтах. Усиление же экономической независимости Сечи при ее системе выборного правления могло привести к созданию ее автономии на территории России.¹⁰ Этим и были вызваны опасения Екатерины II, осознававшей невозможность дальнейшего существования Сечи в условиях централизованного устройства Российской империи.

Спустя два месяца, 5 августа 1775 г., Екатерина II издала манифест “Об уничтожении Запорожской Сечи и о причислении оной к Новороссийской губернии”, где законодательно обосновала свои действия: “Мы восхотели объявить во всей Нашей Империи <...> что Сечь Запорожская вконец уже разрушена со истреблением на будущее время и самого названия Запорожских казаков <...> сочли Мы себя ныне обязанными пред Богом, пред Империею Нашею и пред самым вообще человечеством разрушить Сечу Запорожскую и имя казаков от оной заимствованное. Вследствие сего 4 июня нашим Генерал-Поручиком Текеллием со вверенными ему от нас войсками занята Сечь Запорожская в совершенном порядке и в полной тишине без всякого от казаков сопротивления. <...> Нет теперь Сечи Запорожской в политическом ее уродстве, следовательно же и казаков сего имени...”¹¹

Манифест, объявлявший об уничтожении запорожского войска и обращавший бывших его членов в мирных поселян, был воспринят казаками по-разному.¹² Часть запорожских казаков (около 5 тысяч) отправилась на земли, подвластные турецкому султану, и в дельте Дуная основала Задунайскую Сечь. 12 тысяч запорожцев вынуждены были покориться и остались в подданстве Российской империи.

Думается, что совпадение датировок ликвидации Запорожской Сечи и кантаты Львова не случайно. Занося текст кантаты в рабочую тетрадь именно 5 июня 1775 г., молодой поэт, конечно, знал о решении

¹⁰ Українське козацтво: Мала енциклопедія. Київ, Генеза, 2002. С. 23.

¹¹ Цит. по: Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Т. 3. Гл. 15. С. 328.

¹² Соловьев С. М. Учебная книга по русской истории. М., 1902. Гл. XLIX. Внутренняя деятельность Екатерины II.

Екатерины-законодательницы и не мог на него не откликнуться. В этом случае одна из главных тем кантаты — усмирение Запорожской Сечи для укрепления южных рубежей России в политическом противостоянии на Балканах. Скорее всего, кантата, прославляющая победы русского оружия во внешних и внутренних конфликтах, была написана Львовым для официального торжества — и в этом случае, вероятно, по заказу. Однако документальных подтверждений этого предположения пока не найдено. Музыкальная основа кантаты не выяснена, хотя вокальные эпизоды в рукописи размечены, выделены речитативы, арии, дуэт, терцет и хор, вместе создающие стройное драматургическое целое. Была ли она поставлена — неизвестно.

Как же отражены в кантате события русской истории 1775 г.? В использованных Львовым аллегориях трудно угадать черты русской действительности — разве что по наличию России в составе ‘лиц’. Порядок выхода персонажей: Мир, Марс, Россия — также вполне соответствует привычной художественной схеме праздничного концерта или спектакля во славу военных побед, в какой бы стране и в какие бы времена он ни ставился: “мир — война — победа и процветающая держава”.

Однако реалии русской истории отразились в содержании персонафикаций и специфике развития сюжета театрального действия. Выход Мира связан с темой завершения русско-турецкой войны и Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., следующий за ним выход Марса — очевидно, с запорожским конфликтом 1775 г. и, наконец, выход России — с торжеством внешней и внутренней политики Екатерины II в империи.

Специфика Мира — в его послевоенном характере (тогда как схема традиционного праздника открывалась бы картиной довоенного мира):

Умолк уж страшный звук кровавья войны
И царствует везде блаженство тишины:
Набегов пахарь не боится,
Влеча спокойно плуг,
С свирелию стремится
Пасти в поля пастух.
(ПТ 1. Л. 83 об.)

‘Приятная’, обновляющая природу весна — это и привычная в классицистической поэтике аллегория окончания ‘ужаса брани’ и наступления ‘золотого века’, и реальная весна 1775 г. — первая мирная весна по завершении военных действий против Турции, время возвра-

щения русских войск на родину. Аллегорические фигуры пахаря и пастуха, устойчивые императивные формулы спокойно текущих ручьев, расцветающих цветочков и мирно веющих зефиров — поэтические условности из арсенала панегириков той поры. Их связь с русской действительностью ограничивается указанием на весеннее время года: поскольку война не затрагивала территории России, она не нарушала течения мирной жизни населения.

Победа над турками, ассоциированная с наступлением ‘золотого века’, представлена читателю / зрителю в системе оценок классической мифологии как победа окончательная, абсолютная, бесповоротная. Последнее противоречило исторической действительности, свидетелем которой был Львов: русско-турецкие конфликты продолжались, и вряд ли он обольщался заключенным миром. Следовательно, ‘золотой век’ — также дань традиции жанра.

Следующий сюжетный ход связан с появлением Марса. Именно этим — опасностью возобновления войны — встревожен Мир:

Но что ко мне за муж свирепый поспешает,
 Что мне ужасной вид его предвозвещает?
 Се Марс!.. покоя враг, источник при и бед,
 Или и божество, прельщенно сей страну,
 Завидуя ея блаженству и покою,
 Оставив небеса, на землю к нам сошед,
 Пылает, завистью разженный,
 Покоя дни, дни вожделенны
 В печальный пременить предел?
 (ПТ 1. Л. 83—84 об.)

Возвращение Марса — аллегория внутренней угрозы мирной жизни России со стороны независимой Запорожской Сечи. Этот придуманный Львовым ход был понятен его современникам, но нынешним читателем не прочитывается без специального комментария.

Конфликт Мира и Марса, однако, снимается странным, неожиданно для читателя / зрителя мирным поведением бога войны, не подобающим ему по статусу. Эта позиция выражена в его смиренном речитативе:

Твое спокойствие я утвердить пришел,
 Я лавр тебе принес, пришел принять оливы
 И мирное твое умножить торжество,
 Сказать, какое мне премудро божество
 Судило брань скончать, восставить дни счастливы.
 (ПТ 1. Л. 84 об.)

“Премудро божество” нетрудно угадать. В системе символов классической мифологии это Минерва, победившая Марса на равнине Илион и принесящая грекам победу над Троей. В кантате это — Екатерина II, укротившая запорожцев, затеявших было противостояние экспансии централизованной власти. Но поскольку само так называемое ‘усмирение’ запорожцев обошлось без кровопролития (что подчеркнуто и в манифесте Екатерины II), то и Марс в львовской кантате — не побежденный воин, пронзенный копьем на поле боя, но, скорее, мирный поселенец, подносящий императрице ‘хлеб-соль’, поющий ей славу (аллегорический лавр) и принимающий ее миролюбивое благословение (аллегорические оливы). Именно такими Екатерина и видела свои отношения с запорожцами, согласно приказу и манифесту.

Ария Марса — по сути, единственный повествовательный фрагмент во всей кантате, излагающий историю покорения внешних и внутренних ‘турок’. Турки названы “срацинами”, побежденными “громом Зевеса” (ПТ 1. Л. 85). В результате русско-турецкая война выступает продолжением батальных мифов античности, в которых верховный олимпийский бог на стороне России, и одновременно — новым крестовым походом против ‘неверных’, вполне в традиции средневекового героического эпоса (в духе “Песни о Роланде” или “Песни о моем Сиде”). А именование героев витязями включает триумф в войне 1768—1774 гг. в ряд важнейших побед русского оружия со времен начала Руси — эпохи княжения Владимира.

Екатерина представлена Минервой — богиней справедливой войны и государственной мудрости, определяющей начало и конец военных действий, повелевающей “брань скончать, восставить дни счастливы” (ПТ 1. Л. 84 об.). Риторическая гипербола превращает императрицу в условную фигуру — аллегория, подобную Миру и Марсу. Однако повеление богини отражает исторические реалии России — не только и не столько заключение Кючук-Кайнарджийского мирного договора, сколько суровое решение властительницы в отношении Запорожской Сечи.

Марс как воплощение запорожцев — военная сила, поставленная на службу более высокому божеству, Екатерине-Минерве (не случайно запорожцы, верные императрице, позже были восстановлены в своем военном статусе; перешедшие же на сторону турецкого султана подтвердили свой статус бывших ‘внутренних сарацин’). Поэтому Марс не противостоит Миру, как того ожидал было читатель / зритель, но

своеобразно дублирует его. В результате такой интерпретации событий русской истории традиционная композиционная схема ‘тезис — антитезис — синтез’ преобразуется у Львова в систему ‘тезис — синтез — умноженный синтез’. Смещение кульминации к началу произведения позволяет автору расширить торжественный финал, введя музыкальные номера с участием России и хора россиян.

Речитатив России построен на двух важнейших тезисах — Екатерина-победительница и Екатерина-державостроительница:

Оружьем в брани прославляясь,
Победой славы наслаждаясь
И тишиною мирных дней,
Которыми цвету я ныне,
Я долженствую сим владычице моей
Великия Екатерине.
Ея премудростью границы простираю,
И ею стала всем завидна честь моя,
Ея советами противных побеждаю,
Покоюсь, славлюся и процветаю я.

(ПТ 1. Л. 85 об.)

Таким образом, здесь параллельно звучат две темы празднования — победы России внешние (над турками) и внутренние (усмирение запорожцев). Во внешней политике (“брани”), согласно кантате, Екатерина побеждает врагов оружием; во внутренних делах — убеждает противников “премудростью” и “советами”, расширяя границы державы. Нетрудно заметить, что приказ Екатерины оружием усмирить запорожцев репрезентирован здесь как мудрый совет подчиниться ее власти.

В целом драматургическое решение кантаты стройно, лаконично, даже рационально. Выход каждого персонажа сопровождается речитативом и арией. Увеличение количества героев на сцене закрепляется ансамблевыми номерами: сначала дуэтом, затем терцетом, демонстрирующими их нарастающее идейное единение. Все действие завершается хором россиян, метонимически представленных участниками праздника: это можно понять как попытку Львова выстроить ‘публичную историософию’ с использованием традиции хора античной драмы.

Художественные достоинства не выделяют раннюю кантату Львова из массы панегирической литературы того времени: мифологизм ее, сочленяющий элементы архаики, античности, европейского и русского средневековья и современности, эклектичен; аллегории слабо связаны с российской действительностью; поэтические формулы привычны и по большей части заимствованы из арсенала одической поэзии.

Однако кантата Львова 1775 г. обладает отчетливо выраженным эпико-драматическим характером, сближающим ее с ораторией, и актуальным для своего времени сюжетом, который, несмотря на мифологемы, аллегории и аллюзии, был понятен современникам автора. Судя по обращению молодого Львова к жанру кантаты, музыкальный театр (пусть даже редуцированный к концертной форме) занимает в его эстетике важное место уже на стадии ее становления. Львов ценит в музыкальном действе возможность быстрого отклика на значимые события современности, становящиеся историей, и форму представления, привлекающую широкого зрителя и создающую общественный резонанс. Позже эти принципы львовской эстетики драмы и театра получают развитие в “Прологе” на торжественное открытие Российской Академии (1783) и, в более камерном варианте (как мифологизация ‘домашней истории’), в комических операх “Милет и Милета” (1794) и “Парисов суд” (1796).

Выбирая формы и способы репрезентации русской истории в музыкально-драматическом жанре, Львов демонстрирует солидарность с линией внешней и внутренней политики Екатерины II. Верноподданические настроения молодого автора выражены здесь с искренним патриотическим воодушевлением. Это не удивительно. У молодого поэта, который всего пять лет назад начал свою государственную службу и успешно продвигался по должностной лестнице, совмещая воинскую деятельность в Преображенском полку с курьерскими поездками за границу,¹³ не было поводов для крамольных антиправительственных мыслей и высказываний (по крайней мере, нам такие поводы не известны). Да и в жанре торжественной кантаты им было не место, тем более если наша догадка о заказном ее характере документально подтвердится.

В связи с этим можно было бы говорить о социально-политической тенденциозности кантаты Львова, если бы эта тенденциозность не была растворена в системе мифологических и аллегорических художественных приемов. Мифологем же и аллегорий здесь такое изобилие, что историческое событие 5 июня 1775 г. теряется в них, становясь загадкой для непосвященных. При этом аллюзии, которые составляли логический ‘скелет’ произведения и были для современников автора

---

¹³ Глинка Н. И., Лапто-Данилевский К. Ю. Львов Николай Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: К—П. СПб., Наука, 1999. С. 242.

живыми связями между реальными фактами и текстом, оказываются полностью поглощены декоративным оформлением.

В результате для нынешнего читателя кантата превращается в панегирик Екатерине II, который мог бы быть исполнен в честь любой из ее побед. И лишь единственная деталь — упоминание о “срацинской стране” и ее символе “гордящей луне” (ПТ 1. Л. 85) — указывает на побежденных турок, с которыми Львов, очевидно, образно ассимилировал запорожцев — как ‘внутренних турок’. Подобный пример художественной перелицовки истории в угоду религиозно-государственной идеологии не нов — достаточно вспомнить “Песнь о Роланде”, где исторические баски оказываются ‘перекрещенными’ во все тех же вечных сарацин, а грандиозная ‘мировая’ битва заканчивается победой над всем мусульманским миром.